

Т.А. Плаксина

Проблемы законодательной согласованности квалифицирующих признаков убийства (статья вторая)

Проблема внутренней непротиворечивости закона и согласованности квалифицирующих признаков убийства имеет значение прежде всего для квалификации преступления, поскольку именно в процессе уголовно-правовой оценки содеянного возникают вопросы о том, в каком соотношении между собой могут находиться различные пункты ч. 2 ст. 105 УК РФ и квалифицирующие признаки, сформулированные в них; в каких случаях возможно применение нескольких пунктов (признаков), а в каких оно исключено и по какой причине; каковы способы преодоления возникающих между отдельными квалифицирующими признаками коллизий со стороны правоприменителя и пути устранения коллизий со стороны законодателя.

В целом проблема согласованности квалифицирующих признаков убийства на сегодняшний день исследована в уголовно-правовой литературе весьма слабо. Это проявляется в следующем.

Во-первых, она по существу полностью перенесена в плоскость правоприменения: исследователи исходят из того, что каким бы закон ни был, разрешение имеющих место сложностей будет лежать главным образом в сфере его реализации, а не в сфере нормотворческой деятельности. Поэтому в работах, посвященных рассматриваемой теме, обычно речь идет лишь о невозможности сочетания между собой при квалификации преступления отдельных пунктов ч. 2 ст. 105 УК и почти отсутствуют критика существующего законодательства и предложения по его изменению. Конечно, можно согласиться с тем, что самый несовершенный закон все равно приходится применять и в процессе этого находить выход из создавшегося положения, однако при этом далеко не всегда может быть найдено правильное решение. Довольно часто именно законодательная несогласованность квалифицирующих признаков убийства между собой является причиной затруднений в применении закона, и предлагаемые варианты преодоления на практике тех или иных содержательных дефектов законодательства при современном его состоянии могут быть приняты в качестве эталонных лишь условно и лишь в силу того, что они

уязвимы менее, чем другие, а эффективное разрешение этих коллизий возможно только путем их устранения самим законодателем.

Во-вторых, даже практический срез рассматриваемой проблемы изучен недостаточно, рассуждения о совместимости (несовместимости) между собой отдельных квалифицирующих признаков убийства и возможности (невозможности) их совокупности при квалификации нередко запутаны, а выводы умозрительны и не базируются на четкой научной основе. Подтверждение тому мы находим как в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», так и в уголовно-правовой литературе.

В-третьих, очевидны фрагментарность исследования возможности сочетания квалифицирующих признаков, казуистический подход, когда в поле зрения ученых оказываются лишь отдельные сложные ситуации из судебной практики.

И, наконец, в-четвертых, вопрос о невозможности одновременного применения нескольких квалифицирующих признаков по отношению к одному и тому же деянию решается без учета специфики причин этого явления. На это последнее обстоятельство хотелось бы обратить особое внимание.

Дело в том, что невозможность сочетания между собой при применении закона нескольких квалифицирующих признаков убийства может быть результатом действия различных по своей природе факторов. Есть признаки, которые в принципе несовместимы между собой в силу особенностей социальной или правовой характеристики отражаемых ими явлений; они исключают друг друга и никогда не могут сосуществовать (такую несовместимость можно было бы назвать первичной). Следствием констатации одного из них становится невозможность использования другого, а процесс квалификации сводится к их разграничению по определенным критериям. Таковы, например, квалифицирующие признаки, предусмотренные п. «а» и п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Если совершено убийство двух потерпевших, то оно должно быть расценено или как единое сложное

преступление (и тогда оно квалифицируется по п. «а» как убийство двух или более лиц), или как множественность преступлений (и тогда оно квалифицируется по п. «н» как убийство, совершенное неоднократно). Однако таких признаков, полностью исключающих друг друга, немного.

Иногда невозможность совокупности квалифицирующих признаков наблюдается несмотря на то, что отражаемые ими однородные (относящиеся к одному и тому же элементу преступления) обстоятельства частично совместимы, т.е. в некоторых случаях могут проявляться в одном и том же деянии, наслаиваться друг на друга, но при этом они в разной степени выражены, в силу чего одно из них доминирует, а второе становится подчиненным. Как правило, это касается признаков субъективной стороны преступления: нередко при совершении преступления наблюдается множественность его мотивов и целей, так называемая полимотивация преступной деятельности, и хотя усматриваются признаки нескольких мотивов (целей), какой-то из них выступает в качестве основного; по нему и производится уголовно-правовая оценка содеянного. Таким образом, происходит наложение друг на друга лишь однородных признаков конкретного совершенного деяния; наложения же квалифицирующих признаков, их совокупности это не дает. Для разграничения квалифицирующих признаков и выявления доминирующего в таких пограничных ситуациях мотива в теории уголовного права вырабатываются определенные критерии, свидетельствующие о том, что один мотив преступления превалирует над другим. Обычно они достаточно условны. Так, хулиганский и корыстный мотивы существенно различаются по своей содержательной и социально-психологической характеристике, но могут одновременно проявляться при совершении убийства, сопровождающегося завладением малоценным предметом (бутылкой пива, пачкой сигарет и т.п.). Однако и в уголовно-правовой литературе, и на практике признается, что в этих случаях доминирующими являются все-таки хулиганские побуждения.

Наконец, причиной невозможности одновременного применения квалифицирующих признаков убийства может быть и интересующая нас законодательная несогласованность этих признаков между собой, выражающаяся в логико-структурных дефектах уголовного закона, а именно – в содержательных коллизиях, в силу чего возникает конкуренция нормативных положений, закрепляющих квалифици-

рующие обстоятельства (конкуренция квалифицирующих признаков). В теории уголовного права такое явление, как конкуренция, рассматривается обычно применительно к уголовно-правовым нормам, расположенным в различных статьях уголовного закона или в различных частях статей. Между тем фактически конкуренция встречается и при уголовно-правовой оценке деяния в рамках одной и той же части статьи УК РФ, если в ней сформулирован состав преступления с альтернативными признаками, в том числе – с альтернативными квалифицирующими признаками, как это имеет место в ч. 2 ст. 105 УК. Правовым последствием преодоления такой коллизии при квалификации преступления является выбор одного из двух или большего числа конкурирующих альтернативных признаков в рамках одной и той же статьи или одной и той же части статьи.

Правила преодоления содержательных коллизий уголовно-правовых норм в процессе их применения в последнее десятилетие получили достаточную разработку в уголовно-правовой науке и вполне могли бы быть применены при конкуренции квалифицирующих признаков между собой [1; 2]. Однако нужно отметить, что отдельные квалифицирующие признаки были включены в ч. 2 ст. 105 УК РФ безо всякого логического анализа того, как они впишутся в систему уже имеющихся квалифицирующих обстоятельств, в результате чего весьма непросто решить, какие из них находятся между собой в состоянии конкуренции, а какие могут образовывать совокупность, сочетание.

Анализ ч. 2 ст. 105 действующего УК показывает, что наибольшее количество содержательных коллизий породило активное использование законодателем в новом УК РФ в качестве квалифицирующих признаков убийства его сопряженности с другими преступлениями. УК РФ 1996 г. по сравнению с ранее действовавшим уголовным законом существенно расширил круг таких преступлений. Если УК РСФСР 1960 г. признавал квалифицирующим признаком убийства сопряженность его лишь с изнасилованием (п. «е» ст. 102), то в настоящее время таких преступлений уже семь: помимо изнасилования, это насильственные действия сексуального характера (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ); похищение человека и захват заложника (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ); разбой, вымогательство и бандитизм (п. «з» ч. 2 ст. 105).

Вследствие этого несогласованными между собой по содержанию оказались следующие квалифицирующие признаки:

1) все квалифицирующие признаки, выражающиеся в сопряженности убийства с другими преступлениями (п. «в», «з», «к»), с таким квалифицирующим признаком, как цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105);

2) квалифицирующий признак, выражающийся в сопряженности убийства с бандитизмом (п. «з»), с квалифицирующими признаками, заключающимися в сопряженности убийства со всеми иными преступлениями, перечисленными в п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК;

3) квалифицирующий признак «организованная группа» (п. «ж») с квалифицирующим признаком, выражающимся в сопряженности убийства с бандитизмом (п. «з»);

4) квалифицирующие признаки, выражающиеся в сопряженности убийства с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з»), с квалифицирующим признаком «из корыстных побуждений», закрепленным в том же пункте;

5) все квалифицирующие признаки, выражающиеся в сопряженности убийства с другими преступлениями (п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК), с квалифицирующим признаком «в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга» (п. «б») (в части убийств лиц, пресекающих эти преступления).

При доктринальном и официальном толковании содержание признака сопряженности убийства с другими преступлениями раскрывается по-разному, чему во многом способствует непоследовательность позиции Пленума Верховного Суда РФ. В его Постановлении от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» наиболее широкое толкование этого понятия дается по отношению к п. «к» ч. 2 ст. 105 УК, и под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, предлагается понимать убийство в процессе совершения этих преступлений, с целью их сокрытия или по мотивам мести за сопротивление, оказанное при их совершении (п. 13); сопряженность убийства с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК) трактуется уже как осуществление его только в процессе совершения этих преступлений (п. 11 постановления); а по сопряженности убийства с похищением человека или захватом заложника (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК) Пленум Верховного Суда РФ вообще не дает четких разъяснений, ограничиваясь лишь указанием на то, что потерпевшими могут быть как похищенное лицо или заложник, так и иные лица (п. 7 постановления).

В юридической литературе после принятия данного постановления неоднократно обращалось внимание на недопустимость такого положения, когда один и тот же термин в рамках одного закона (и, тем более, одной нормы) имеет неодинаковое значение. При этом одни авторы, в частности, Н. Иванов, лишь констатируют данное обстоятельство [3, с. 23]; другие же (Т.В. Кондрашова, Н.Ф. Кузнецова) предлагают варианты унификации толкования, но эти варианты диаметрально противоположны.

Так, Т.В. Кондрашова полагает, что за основу должно быть взято наиболее широкое понимание признака сопряженности убийства с другими преступлениями, исходя из того, что в русском языке слово «сопряженный» означает «взаимно связанный, непременно сопровождаемый чем-нибудь». По существу задача состоит в том, чтобы отыскать все возможные взаимосвязи, что она и делает, используя такой критерий взаимной связи убийства и другого преступления, как единство намерений, побудительных причин и причинную связь между смертью потерпевшего и действиями, составляющими объективную сторону соответствующего преступления [4]. Однако очевидно, что при этом значительная часть убийств, сопряженных с другими преступлениями, одновременно автоматически подпадает и под иные квалифицированные виды убийств (например, убийство с целью скрыть иное преступление или облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105), убийство в связи с выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105)), в силу чего возникает вопрос о соотношении между собой различных квалифицирующих признаков и уголовно-правовой оценки содеянного. Приходится выяснять природу этого соотношения: либо рассматриваемые квалифицирующие признаки убийства находятся в состоянии конкуренции между собой и при применении закона нужно выбирать один из них, либо это смежные признаки, не являющиеся взаимоисключающими, и тогда допустимы их совместимость и совокупность. Т.В. Кондрашова, судя по всему, считает, что все квалифицирующие признаки убийства, выражающиеся в его сопряженности с другими преступлениями, являются конкурирующими с иными квалифицирующими обстоятельствами, с которыми они частично пересекаются по содержанию, выступают в качестве специальных случаев этих более общих норм, и потому предпочтение должно отдаваться именно им в соответствии с правилами конкуренции общей и специальной норм [4, с. 72, 124–125]. Отсюда убийство,

например, с целью скрыть вымогательство, надлежит квалифицировать только по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ без применения п. «к». Правда, четкого обоснования этой позиции в ее работе мы не нашли, как и объяснения того, в чем тогда смысл столь объемной трактовки, если, как правило, вследствие этого убийство просто перебрасывается из одного квалифицированного вида в другой и при уголовно-правовой оценке все равно используется один признак из двух возможных: так, то же убийство с целью скрыть совершенное лицом вымогательство при узком подходе, отраженном в постановлении Пленума Верховного Суда от 27 января 1999 г., надлежит квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство с целью скрыть другое преступление, а при широком, предлагаемом Т.В. Кондрашовой, – по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК как убийство, сопряженное с вымогательством, что совершенно равнозначно в плане влияния на ответственность виновного. К тому же исходить из того, что сопряженность убийства с другими преступлениями при частичном наложении на иные квалифицирующие признаки всегда состоит с ними в конкуренции, – далеко не бесспорно.

Н.Ф. Кузнецова в отличие от Т.В. Кондрашовой полагает, что «формулировка о сопряженности одного состава преступления с другими означает, что один состав преступления выполнен в процессе совершения другого» [5, с. 29]. И с ней можно согласиться. Т.В. Кондрашова правильно пишет, что слову «сопряженный» в русском языке придается значение «взаимно связанный, сопровождаемый чем-нибудь». Однако она делает акцент на первой части трактовки – «взаимно связанный», фактически отбрасывая вторую («сопровождаемый чем-нибудь»), которая не менее важна для понимания смысла термина «сопряженный». При этом если обратиться к словарям, то «сопровождать» означает (в числе прочих значений) «сопутствовать чему-нибудь», а «сопутствовать» – «происходить одновременно с чем-нибудь». Таким образом, было бы более точным и логичным понимать сопряженность убийства с другими преступлениями как одновременное их протекание во времени (совершение одного в процессе осуществления другого) при условии, конечно, что они не только внешне, но и внутренне взаимосвязаны.

Правда, ни широкая, ни узкая трактовка сопряженности убийства с иными преступлениями не снимает проблем, возникающих в правоприменительной практике в плане соотношения с другими квалифицирующими при-

знаками: разница заключается лишь в масштабе этих проблем. Дело в том, что сопряженность с иными преступлениями, как бы широко или узко мы ее ни толковали, не вписывается в традиционную классификацию квалифицирующих признаков убийства (как, впрочем, и квалифицирующих признаков вообще) по элементам состава преступления, которой, насколько можно судить по структуре ч. 2 ст. 105, сейчас придерживается и законодатель, и не может быть отнесена ни к одному из признаков состава преступления (косвенным подтверждением тому является рассредоточение признаков, выражающихся в сопряженности убийства с иными преступлениями, по различным пунктам ч. 2 ст. 105 УК вне всякой системы).

При широком толковании сопряженность превращается в комплексное, собирательное понятие, объединяя «под одной крышей» самые различные категории убийств и многократно наслаиваясь на другие квалифицирующие признаки, в результате чего образуется нормативное излишество: определенный вид убийства, вычлененный в законе как обладающий повышенной общественной опасностью, оказывается отраженным в нескольких квалифицирующих признаках несмотря на то, что увеличение степени общественной опасности преступления вызвано одним и тем же обстоятельством, например, конкретной целью убийства – скрыть другое преступление.

Безусловно, здесь мы встречаемся с явлением конкуренции нормативных предписаний, закрепляющих квалифицирующие признаки, и необходимостью выбора одного из них, однако этот вариант конкуренции не подпадает ни под один из известных теории уголовного права классических ее видов. Это не конкуренция общей и специальной норм в чистом виде, поскольку ни один из признаков не входит полностью в объем другого. Скорее, можно было бы говорить о конкуренции двух специальных нормативных предписаний, но в своеобразном сочетании с конкуренцией общего и специального. З.А. Незнамова, рассматривая правила преодоления конкуренции специальных норм между собой, пишет: «... при коллизии двух специальных норм предпочтение должно отдаваться ... если можно так выразиться, более специальной норме, содержащей более подробное описание любого элемента состава преступления...» [1, с. 244]. В данном случае «более специальная» разновидность убийства, как выясняется в процессе толкования, отражается в комплексном квалифицирующем признаке – сопряженности

убийства с иным преступлением, входит в него в качестве составной части, следовательно, его и надлежит применять. Правда, настораживает в таком решении то, что сама по себе законодательная формулировка квалифицирующих обстоятельств, выраженных в сопряженности убийства с иными преступлениями, более подробного описания признаков состава преступления не содержит, чтобы можно было безоговорочно признать эти обстоятельства «более специальными» по отношению к другим пересекающимся с ними по содержанию квалифицирующим признакам, а устанавливается это при толковании нормы, которое тоже далеко не безупречно. Однако на сегодняшний день подобный вариант квалификации представляется менее уязвимым, чем использование совокупности квалифицирующих признаков, отражающих применительно к данным ситуациям по сути одно и то же. Так, убийство с целью скрыть изнасилование одновременно представляет собой и убийство с целью скрыть другое преступление, и убийство, сопряженное с изнасилованием, если опираться на разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, но уголовно-правовая оценка все-таки должна производиться лишь с учетом последнего из названных квалифицирующих признаков, исходя из того, что более специальный характер ему придает указание на конкретное преступление, с которым связано, сопряжено убийство.

При узком подходе к определению содержания признака сопряженности, предлагаемом Н.Ф. Кузнецовой, сложности в решении вопроса о соотношении с другими квалифицирующими обстоятельствами возникают, конечно, не в таких масштабах, однако в целом они остаются, поскольку сохраняется комплексный характер этого признака и его «непривязанность» к элементам состава преступления. К примеру, это выражается в том, что признак сопряженности убийства с другим преступлением, понимаемый как осуществление убийства в процессе совершения другого преступления при условии их внутренней, субъективной взаимосвязи, в случае, если потерпевшими от убийства оказываются иные лица, пресекающие деятельность виновного (а постановление Пленума Верховного Суда РФ допускает это), накладывается на квалифицирующий признак, закрепленный в п. «б» ч. 2 ст. 105 УК, – совершение убийства в связи с осуществлением ими служебной деятельности или выполнением общественного долга. Так, в процессе захвата заложников может быть убит человек, который стремился воспрепятствовать этому, хотя и не входил в число заложников. По-видимому, и здесь наиболее правильно будет констатировать конкуренцию двух специальных нормативных предписаний и разрешить ее в пользу признака сопряженности убийства с иным преступлением как более специального.

Литература

1. См., например: Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994.
2. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
3. Иванов Н. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Критический взгляд // Уголовное право. 2000. №2.

4. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000.

5. Кузнецова Н.Ф. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. 2000. №1. С. 29.